

👉 ДЖОН 👈
ЛЕ КАРРЕ

Джон Ле Карре —
живой классик,
«шпионские» детективы
принесли ему мировую известность.

Однако первые его романы —
«Звонок мертвецу» и «Убийство
по-джентльменски» — это дань
традициям эпохи Агаты Кристи,
своеобразное завершение
«золотого века»
английского детектива.

JOHN
LE GARRE

.....
A MURDER OF QUALITY

ДЖОН
ЛЕ КАРРЕ

.....
УБИЙСТВО
ПО-ДЖЕНТАЛЬМЕНСКИ
.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Л33

Серия «Золотой век английского детектива»

John le Carré
A MURDER OF QUALITY

Перевод с английского *И.Л. Моничева*

Серийное оформление *В.П. Половцева*

Компьютерный дизайн *К.С. Парсадяна*

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Ле Карре, Джон.

Л33 Убийство по-джентльменски : [роман] /
Джон Ле Карре ; [пер. с англ. И.Л. Мониче-
ва]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. —
256 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-096210-5

Джордж Смайли не принимает всерьез просьбу своей давней приятельницы мисс Бримли защитить ее подругу Стеллу Роуд, заявляющую, что ее готов убить собственный муж. Однако вскоре Стеллу действительно убивают, и Смайли понимает: мотивы преступления следует искать отнюдь не в семейных отношениях супругов...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Le Carré Productions, 1962
© Перевод. И.Л. Моничев, 2014
ISBN 978-5-17-096210-5 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Посвящается Энн

ОТ АВТОРА

Существуют, вероятно, десятки отличных школ, о которых кто-то с уверенностью скажет, что одна из них послужила несомненным прообразом школы Карн. Но тот, кто возьмет на себя труд искать среди них классы, где преподают Д'Арси, Филдинги и Хекты, только понапрасну потратит время.

Джон Ле Карре

ПРЕДИСЛОВИЕ

Декабрь 1989 года

Происхождение идей большинства моих книг сейчас представляется мне абсолютной загадкой, хотя я вроде бы должен хорошо помнить каждую, но вот история написания «Убийства поджентльменски» накрепко засела в памяти. Это была моя вторая книга, и я писал ее, вдохновленный скромным успехом первой — «Звонок мертвецу». За перо я взялся в 1961 году, когда приехал в Бонн (поначалу без семьи), чтобы занять одну из младших должностей в британском посольстве, а ко времени выхода романа в свет оказалось, что у меня уже зародился замысел «Шпиона, пришедшего с холода».

В те времена я стремился писать хотя бы по одному детективу в год, чтобы получить столь необходимые дополнительные пятьсот фунтов к моему жалованью в МИДе. Или по крайней мере я сам себя убеждал в этом, хотя мои тайные амбиции простирались куда дальше. И я писал «Убийство поджентльменски» сначала в мрачном пансионе в Бад-Годесберге, куда временно селили молодых британских дипломатов, пока им подыскивали

жиле, а потом в крошечном домике на Грингш-трассе, где мы теснились с нашими двумя детьми и прислугой, нанятой по принципу *au pair**. В результате почти вся книга была создана в те короткие часы, когда я мог улечься на кровать и взяться за тетрадку, забыв ненадолго о семейных обязанностях и о работе дипломата.

В источниках информации недостатка не было. Дело в том, что я глубоко ненавидел английские школы-интернаты. Я считал и считаю их систему чудовищной, быть может потому, что сам начал обучение в подобной школе в возрасте пяти лет. Заведение называлось школой Святого Мартина и находилось в Нортвуде. А закончил я курс наук в шестнадцать, когда наотрез отказался продолжать учебу в Уэсткотт-Хаусе (Шерборн), твердо заявив, что ноги моей больше не будет ни в одном из образовательных учреждений.

Однако жизнь вносит свои коррективы, и восемь лет спустя я все же угодил в Итон — на роль младшего преподавателя современных иностранных языков.

Но все же Итон нельзя и близко сравнивать с Шерборном. В дни моей учебы Шерборн был глубоко провинциальной школой, где исповедовались колониализм, шовинизм, милитаризм,

* Букв.: обоюдный (*фр.*). Как правило, по принципу *au pair* работают молодые люди, приехавшие в страну изучать язык, живущие и работающие в принявшей их семье. — *Здесь и далее примеч. пер.*

клерикализм и широко применялись репрессии. Одни ученики били других учеников, заведующие пансионами били и тех и других, и даже директор не гнушался поднимать руку на учеников, если провинность попадала в разряд серьезных или возникало ощущение общего упадка дисциплины. Не знаю, избивали ли друг друга преподаватели, но их я ненавидел, и больше всего за атмосферу пресмыкательства, которую они насаждали. И по сей день я не нахожу для них прощения за то, что они творили с судьбами маленьких человечков, которые им вверялись.

В те времена нервные срывы считались исключительной привилегией взрослых, и для учеников, не желавших мириться с системой, способами выживания были либо поистине животная хитрость, либо то, что немцы называют «внутренней иммиграцией», либо просто бегство оттуда куда глаза глядят. Долгое время я прибегал к первым двум, но в итоге закончил третьим, перебравшись в Швейцарию.

Но Итон! В Англии это почти государство в государстве. Выпускник Итона навсегда становится прежде всего питомцем этой школы и уже во вторую очередь гражданином своей страны. В годы учебы там школьник имеет значительно больше возможностей для расширения кругозора, а преподавание ведется на самом высоком уровне. Конечно, и там система порой показывает свои варварские зубы, но все равно предоставляет ученикам гораздо больше личной свободы и не-

зависимости, учит уважению к себе — кое-кто назвал бы это наглой самоуверенностью, — в значительно большей степени, чем мне представлялось возможным в принципе. Поэтому у меня, совсем молодого учителя, возникло ощущение, что я сам получаю там нечто вроде второго альтернативного образования, что-то принимая, что-то отторгая, но никогда не оставаясь равнодушным, хотя я и не питал иллюзий, что вливаюсь в тамошнюю жизнь и принят как равный. Впрочем, еще не занявшись писательством всерьез, я даже до конца и не понимал, насколько был там чужаком, насколько не принимали меня те, к кому я всей душой стремился.

Читая книгу, вы сами сможете попытаться отделить ее главные компоненты один от другого: всю мою злость на школьный опыт в Шерборне и восхищение утонченностью Итона, рассмотреть порой пугающие фигуры людей, сохранившихся в памяти мальчика, прошедшего свое детство по большей части в стенах школ и вдали от родителей; оценить вынесенное мной общее впечатление духовного насилия над молодыми умами, которое в этой далекой от совершенства повести выливается в формы кровавого насилия.

Что же до судьбы несчастной Стеллы Роуд и ее нонконформизма, то здесь источник лежит еще дальше — в глубинах моего детства, когда мы с братом посещали воскресные службы в прибрежных храмах и церквях Дорсета, внимая гласу гораздо

более скромного Бога, чем тот, Другой, который помогает сохранять в непрошибаемой безмятежности совесть британских правящих кругов.

Перечитывая эту книгу сейчас, я вижу перед собой далеко не безупречно написанный детектив, многие огрехи которого извиняет острая и порой резкая социальная сатира. Но ближе всего мне неповторимое воспоминание о сырых и древних камнях, в которых прошло мое детство, потому что именно они с юности научили меня восставать против всего, что грозило заточением и ограничением моей свободы.

Глава 1

ЧЕРНЫЕ СВЕЧИ

По общепринятому мнению, школа Карн знаменита прежде всего тем, что в ней учился Эдуард VI, чье пылкое стремление к знаниям история приписывает влиянию на него герцога Сомерсета. Но в Карне собственную историю предпочитают связывать более с самим монархом, нежели с его советником, проводившим к тому же весьма сомнительную политику, и черпают вдохновение в той сомнительной идее, что все истинно Великие школы, подобно королевским династиям вроде Тюдоров, ниспосланы нам не иначе как самими Небесами.

Что же до славы, которой овеяна школа, то ее иначе чем чудом никак объяснить невозможно. Основанная безымянными монахами, осыпанная деньгами болезненным королем-мальчиком и вытщенная из забвения одним из проходимцев Викторианской эпохи, Карн нацепила крахмальную воротничок, отмыла от грязи свои деревенские лапы и морду, представ во всем блеске перед современными светскими кругами двадцатого столетия. И по мановению ока дорсетская деревня полюби-

лась нынешней лондонской знати, как новоявленный Дик Уиттингтон. В архивах Карна хранились рукописные пергаменты на латыни, скрепленные восковыми печатями, а за территорией аббатства школе принадлежали обширные земельные угодья. Карн, таким образом, владел собственностью, был построен по монастырскому подобию — с крытыми галереями, где деревянные балки проел древесный жук, имел традиционную колоду для телесных наказаний и упоминался одной строкой в Книге Судного дня* — что еще требовалось, чтобы приступить к обучению отпрысков сильных мира сего?

И они стали прибывать. Приезжали к началу каждого семестра («полугодие» звучало слишком вульгарно). В этот день поезда высаживали на платформу местной станции печальные группы одетых в черное мальчиков. Некоторых привозили в огромных лимузинах, начищенных до блеска, как катафалки. Мальчики выглядели так, словно заново собирались похоронить несчастного Эдуарда, и катили по мощным брусчаткой мостовым свои тележки с пожитками или несли похожие на маленькие гробики коробки с гостинцами из дома. На некоторых были черные мантии — в таком облачении они походили на ворон или на темных ангелов, слетевшихся к похоронам. Некоторые отделялись от общей массы и шли поодиночке, тихие

* Книга Судного дня — свод материалов первой в средневековой Европе всеобщей поземельной переписи, проведенной в Англии в 1085–1086 гг.

и подавленные, — слышался только стук их башмаков по камням. В Карне все и всегда как будто пребывали в трауре: младшие потому, что были обречены оставаться здесь еще долго; старшие потому, что им вскоре предстояло покинуть школу навсегда; а преподаватели потому, что, по их мнению, респектабельность слишком плохо оплачивалась. И сейчас, когда подходил к концу семестр Великого поста (так называлось пасхальное полугодие), сумрачные тучи, как обычно, плотно окутывали серые башни Карна.

Сумрак и холод. Холод был пронизывающим и острым, как зазубренный кусок кремня. Он буквально резал мальчикам лица, пока они медленно брели от опустевших игровых полей после окончания школьного матча. Он проникал под их черные короткие пальто, превращая жесткие стоячие воротники в ледяные обручи вокруг шей. Окоченевшие, они плелись от спортивных площадок к длинной дороге, обрамленной с обеих сторон каменными заборами, которая вела к городку и его основному продуктовому магазину. Их шеренга постепенно распадалась на группы, а группы — на пары. Двое мальчиков, которые выглядели замерзшими сильнее остальных, пересекли дорогу и вступили на узкую тропу к более отдаленной, но зато и менее посещаемой лавчонке.

— Я просто сдохну, если меня еще раз заставят смотреть, как играют в это отвратительное регби.